

I. Абсурд зла: формы воплощения и позиции видения

МОРФОЛОГИЯ

На чьей стороне язык? Он защищает человека или обличает его? Почему не говорят: «Язык - мой друг»? Большинство пословиц и поговорок о языке - плохих: «Прикуси язык», «Держи язык за зубами», «Не болтайте ерундой», «С языка сорвалось», «Слово не воробей - вылетит - (посадят!?) не поймашь», «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Иначе, «Язык мой - враг мой». И напротив - «Молчание - золото», поскольку, с одной стороны, оно скрывает желание, с другой стороны, как в известном афоризме - «Лучше молчать и слыть недоумком, чем заговорить и развеять все сомнения», и, наконец, в-третьих, слово очень ограничено в выражении чувств, молчание и движение «говорят» нам гораздо больше, ведь они бесконечны в своем проявлении. Можно сказать, что слово создает проблемы, а молчание их решает. «Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу» (В. С. Черномырдин).

Вполне очевидно то, что язык, прежде всего, выражается в его продуктивных свойствах, в способности противостоять различным проявлениям несправед-

ЛИКА. Молчание - золото!

ливости и насилия в отношениях между людьми. В этом смысле, к примеру, конечной целью судебного заседания является содействие общественному миру благодаря торжеству языка над насилием. Очевидно и то, что в борьбе с мировым злом точечное мышление зачастую оказывается эффективнее точного бомбометания.

Вместе с тем, для нас не меньший интерес представляют те лингвистические конфигурации, которые находят репрессивное воплощение. Это обусловлено тем, что с одной стороны, «насилие» – отнюдь не прозрачный термин. Мы ничего не можем сказать о насилии как таковом, будучи в то же время окружены его множественными репрезентациями в культуре, первейшей из которых является вербальный язык. С другой стороны, к сожалению, «нам как следует не известны ни физика, ни диалектика, ни стратегия нашей логосферы, – при том, что каждый из нас ежедневно подвергается тем или иным видам языкового террора»¹.

Чем же обусловлена эта боевая сила, воля к господству, присущая дискурсивной системе? Каковы формы репрессивных лингвистических построений?

Александр Каспаров. Свобода слова

Известно, что между дискурсивными системами складываются не столько «родственные» отношения, сколько –

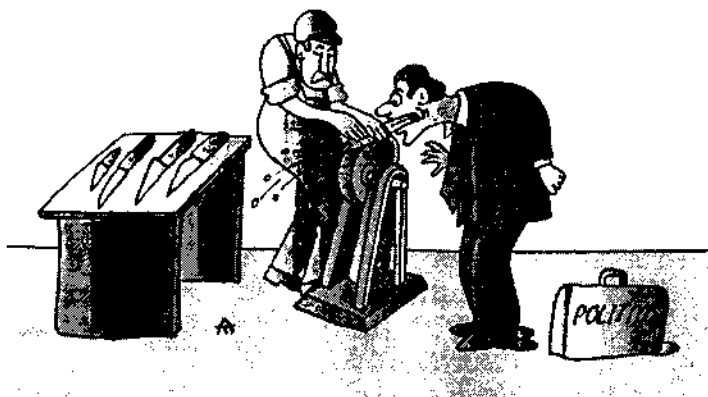
¹ Барт Р. Война языков // Барт Р. Избр. работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С.538.

отношения, построенные на силе. История классической философии свидетельствует о том, что самое оригинальное мышление было основано отнюдь не на любви, а скорее – на ненависти. Это мышление агрессивное, «через прищур в прицел». Обратитесь к рассуждениям Гегеля, Шопенгауэра, Маркса, Ницше, Рассела и иных незаурядных представителей *сильных языковых систем*, и вы найдете в них подтверждение их радикальной нетерпимости к оппонентам, нередко доходящей до прямого оскорбления. Также в наших отношениях с окружающими, зачастую, победу одерживает не самый практичный, а самый речистый – оратор, умеющий увлечь людей, сладкоголосый обольститель и т.д.

Что собой представляет сильная языковая система? Внешняя экспозиция ее уподобляется представлению, своеобразному театральному зрелищу. Она манифестирует устойчивые аргументы, приемлемые формы защиты и нападения, незыблемые формулы, типа: «божественное-смертное», «небесное-земное», «базис-надстройка», «возбуждение-подавление», «структура-функция», «конструкция-деконструкция» и т.д. Формы дискурса конструируются таким образом, чтобы сообщить социолекту абсолютную плотность, замкнутость и оградить систему, решительно изгоняя из нее противника, либо включить другого в свой дискурс в качестве простого объекта, чтобы тем самым исключить его из сообщества говорящих на сильном языке. В конечном счете, сильная языковая система – такая, которая способна функционировать в любых условиях, сохраняя свою энергию вопреки ничтожности реальных носителей языка, которая способна «свалить» противника.

Обращаясь к данной проблеме, заметим, что уже язык сам по себе обладает «фашистской» природой, блокирующей, как наше отношение к бытию (поскольку мы живем в пространстве языка, в котором мир и человек уже затребованы к определенному способу взаимораскрытия), так и выражение бытия (в этом смысле, по меткому определению Ж. Деррида, «слово есть труп психической речи»¹). Более того, «... сегодня язык сам становится инструментом контроля даже там, где он сообщает не приказы, а инфор-

¹ Derrida J. *Le theatre de la cruauté et la cloture dela representation //L'écriture et la difference.* P., 1967. P. 133.

Алексей Талимонов. Язык политика

мацию, где он требует не повиновения, а выбора, не подчинения, а свободы»¹.

Может показаться на первый взгляд, будто «насилие обрушивается на невинный язык извне, застаёт его врасплох, так что язык переживает эту агрессию письма как свое случайное бедствие, поражение, крах»². Однако, скорее всего, насилие присутствует в языке до и даже безотносительно к своим конкретным проявлениям в мире. Изначальное насилие языка, которое всегда уже есть письмо, Деррида назвал «насилием буквы» – первичное насилие, ранее других овладевающее присутствием, идентичностью и истиной или правильностью³. Как заметил И. Бродский: «Кто-кто, а поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка, что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования»⁴.

Власть, заключенная в языке, зачастую, незаметна нам потому, что от нас ускользает то обстоятельство, что всякий

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 134

² Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. С.247.

³ Связь письма с насилием Деррида проясняет на примере, заимствованном из работы К. Леви-Стросса «Печальные тропики» (глава «Урок письма»): запрет на имена собственные в письме – это вычерк, насилие (буквы) над «собственным», над самой возможностью назвать некое наличное уникальное существо. Насилием в письме является любое табу – то есть грамматическое или синтаксическое правило, равно как и необходимость классификации упорядочения (мира и языка) в определенную систему. «Помыслить уникальное внутри системы, вписать его в систему – таков жест прото-письма: это прото-насилие...» (См.: Деррида Ж. Там же. С. 250, 255).

⁴ Бродский И. Нобелевская лекция // <http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt>